

Специфика политических учений России

© Б.Н. Земцов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В статье предлагается авторская периодизация истории политической мысли России, определяется специфика каждого из периодов. Эти гипотезы, с одной стороны, вызваны наличием уязвимых положений в существующей историографии, с другой — за последние годы в науке накопилось много новелл, которые не систематизированы, остаются вне широкого обобщающего анализа. Кроме того, автор предлагает собственные подходы к изучению политической мысли России.

Ключевые слова: *политические учения, политическая идеология, национальная ментальность.*

В советский период развития гуманитарных наук считалось, что разные регионы мира с разницей во времени в целом проходят одинаковый путь развития. Но западные ученые, в частности в отношении России, были всегда убеждены, что исторические пути развития русской государственности, культуры, экономики пролегали далеко не в русле западных обществ [1. С. 117–120]. Сегодня и отечественные ученые исторический путь развития России стали рассматривать больше как специфический, чем идентичный западноевропейскому. Эта методологическая позиция в полной мере подходит к истории политической мысли.

С содержательной точки зрения политическая мысль России, в сравнении с западноевропейской, имеет мало общего. В политической истории России всегда были свои проблемы и специфические, особенные взгляды на политику. Исходя из этой специфики, в истории политической мысли можно было бы выделить четыре периода:

- IX — первая половина XVIII в. (условно, его можно определить как апологетический),
- вторая половина XVIII в. — начало XX в. (период рецепции западноевропейских политических идей),
- советский период,
- современный период (начало 90-х гг. XX в. — начало XXI в. — вторая рецепция западных политических учений).

Политические представления IX — первая половина XVIII в. Политические учения этого периода представляли собой не авторские доктрины и гипотезы, не анализ существующих политических процессов и предложений по их корректировке, а представления об этих процессах.

Временные рамки этого периода огромны и, на первый взгляд, это может вызвать естественное отторжение, поскольку фактически они включают в себя основную часть истории страны. Тем не менее, этот период по своему содержанию является единым целым, хотя в нем и следует выделить три подпериода: Киевской Руси, Удельной Руси и Московской Руси.

Политические представления Киевской Руси. Как уже отмечалось, в науке под «учением» понимается совокупность теоретических положений о каких-либо явлениях, система воззрений ученого, мыслителя. В период существования Киевской Руси даже в Западной Европе науки еще не существовало, тем более этого не могло быть у нас. В Западной Европе в те столетия в результате политической борьбы римско-католической церкви с государствами, возникли клерикальные политические доктрины. В Киевской же Руси на политической арене, фактически, царствовал один субъект — государство. Церковь как политический институт существовала, но в политическую борьбу с государством она никогда не вступала. И так продолжалось буквально до середины XVIII в. Что касается вече, то оно интуитивно воспринималось властью как догосударственная, племенная вольница и целенаправленно уничтожалась. Советские историки достаточно убедительно показали, что «...в X веке простое свободное население было лишено права участвовать в политическом управлении государством. Функции племенного вече были заменены высшими прерогативами князя — главы государства и иерархии господствующего класса» [3. С. 52]. Схожее со М.Б. Свердловым мнение высказывал и академик Б.Д. Греков. Он предполагал, что уже в первой половине XI в. в Киеве исчезли благоприятные условия для развития вечевого строя. Власть киевского князя была слишком сильной, чтобы рядом с княжеской властью могло процветать городское вече [4. 361–362].

В сравнении с государством политические институты в то время были настолько слабыми, что впору ставить вопросы: существовали ли в России политика в ее современном понимании (как сфера взаимоотношений крупных социальных групп и политических институтов), может ли безгласный субъект быть субъектом политики?

Поскольку любое государство — это уже изначально определенная политическая система, то ответ на эти вопросы мог бы быть таким: политические институты, конечно, были, но не как субъекты, противостоящие государству. В равной степени, в России существовали свои устойчивые традиции, принципы, правила политического поведения. И состояли они в единении всех политических институтов с государством.

Политическая система была представлена государством, церковью и крестьянской общиной. Но если в Европе церковь не просто боролась за власти, но в определенный момент подмяла под себя национальные государства, то православная русская церковь являлась составной частью византийской политической модели, а там отношение между властью и церковью были иными. Отсутствовали и еретических движений, подобные тем, что сотрясали Европу. То есть, теолого-политическим учениям в Киевской Руси появиться было неоткуда.

Так что древнерусская политическая мысль зародилась в первой половине XI в. Анализ совокупности исторических источников, по которым разбросаны сведения о восприятии в те времена политических процессов, позволяет выделить в этом восприятии следующее.

1. В политических представлениях того времени понятие «государство» отсутствовало. Его место занимало понятие «русская земля». Это не столько территория, сколько Родина — высшая ценность как для князя, так и простого народа.

2. Общепринятым в исторической науке является вывод о правлении в период Древней Руси не князя, а княжеской династии — Рюриковичей. Тем не менее, исторические источники показывают, что уже тогда киевский князь воспринимался как самодержец.

3. Образ князей идеализировался и героизировался.

4. В соответствии с христианской концепцией власти (о божественном происхождении государственной власти), киевские князья воспринимались как прямые выразители божественной воли.

Несмотря на то, что политическая мысль находилась в те века в зачаточном состоянии, начала оформляться ее специфическая черта, сохранившаяся чуть ли ни до сегодняшнего дня. Как отмечает О.В. Вольтер, «русская политическая мысль была не столько политической, сколько духовно-политической мыслью. Реальные проблемы, практические проблемы, насущные проблемы политической жизни осмысливались, прежде всего, в религиозном контексте» [5]. Кроме того, для правителей смыслом их деятельности были не какие-то реальные цели, а нечто, высокое и духовное.

Политические представления Удельной Руси. Во времена Удельной Руси в Юго-западной Руси в XIII – XIV вв. возникло сильное боярство и началось формирование бюргерства. Но этот процесс будет оборван включением Юго-Западной Руси в состав Речи Посполитой. Политические и правовые учения возникнут там не успели.

Что касается Северо-восточной Руси, то жизнь в течение всего периода предопределялось оккупацией Золотой Ордой. Это парализовало политическую мысль всех социальных слоев и групп:

– все князья да середины XIV в. сотрудничали с завоевателями, но обосновать это было невозможно: личная преданность и политическая целесообразность не могли принять форму оппозиционной политической доктрины. Книги были рукописными, и заказать их с целью изложения собственных взглядов могли единицы — князья и митрополиты. Первые заказывали летописи, вторые — духовную литературу. Даже если в этих кругах появлялись мыслители, провоцировать Золотую Орду на недовольство оппозиционными идеями было опасно;

– что касается остальных социальных слоев и групп, то в бедной и разоренной стране оккупация привела к их консолидации. Критически настроенных по отношению к власти сочинений появиться не могло. Произведения, которые появлялись в этот трагический период («Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича») были наполнены патриотическим содержанием и к политике в ее научном понимании отношения не имели.

Политические представления XVI — первой половины XVIII в. Существуют определенные закономерности появления политических учений. Их объективной основой во все времена были политические процессы. После них возникает интуитивное, во многом неосознанное более или менее широкое политическое движение. К этому времени в обществе в виде теологической или университетской интеллектуальной среды должны существовать субъективные возможности для анализа. И лишь в этих условиях возникает политическая и правовая мысль. Ничего этого в России до XIX в. фактически не было.

Особенностями истории политической и правовой мысли этого периода являлось следующее.

В условиях концентрации власти в руках государства, слабости всех политических институтов, отсутствия в стране университетской или богословской интеллектуальной среды, отсутствия минимальной возможности для возникновения иной социально-политической системы, в России появлялись не учения, а политическая публицистика. То есть это был не теоретический анализ разных вариантов развития, а изложение индивидуальной позиции фактически по одному вопросу — устройству центральных органов власти. Критическое (протонаучное) отношение к российской действительности могло возникнуть лишь у иностранцев.

Публицисты XVI — первой половины XVIII в. (А.М. Курбский, И.С. Пересветов, С. Полоцкий, И.Т. Посошков, Ф. Прокопович) представляли разные группы служилого дворянства и духовенства. Но при этом все они были едины в определении существующего строя как

логичного и правильного. Никто из них (за исключением князя А.М. Курбского) до критики существующего строя не поднимался.

Политические учения России второй половины XVIII в. — начала XX в. Специфика политических учений этого периода состояла в следующем.

Во-первых, если применительно к Западной Европе политические учения можно трактовать и как научные теории, и как мировоззренческие принципы, лежащие в основе политики, то в отношении России — это, в основном, мировоззренческие принципы. Со второй половины XVIII в., в связи с политикой просвещенного абсолютизма Екатерины II, появилась политическая публицистика. Но политической учение появляется на более высоком уровне противостояния, когда, с одной стороны, сформировались альтернативные политические позиции, с другой, возникла возможность (относительно) беспристрастного, то есть, в определенной степени отстраненного, научного анализа. Эта ситуация в России сложилась лишь в начале XX в. Поэтому мыслителей, посвятивших свой труд изучению политической специфике России, практически не было (тогда как страстных и ярких публицистов — много).

Во-вторых, специфика политических учений России состояла в их источнике. В течение второй половины XVIII — начале XX в. политическая мысль России развивалась в том же направлении, что и в Западной Европе: консерватизм, либерализм и социализм. Но если консерватизм имел внутреннюю социально-политическую основу, то либерализм и социализм, в основном, являлись рецепцией западноевропейских либеральных и социалистических теорий. Эти учения ложились на подготовленную интеллектуальную, но не на подготовленную политическую почву. Поэтому они не могли быть реализованы.

Третья специфическая черта является продолжением второй: независимо от содержания учений, социальной база идеологов и публицистов являлось дворянство. Если приверженность дворян консерватизму являлась результатом их сословного положения, то есть было логичным, то дворяне — либералы и дворяне — революционеры в общей массе дворянского сословия представляли собой мизерную величину. То есть, являясь историческим фактом, они не могли быть фактором исторического развития. В результате в ходе революций 1905–1907 гг. и 1917 г. восставший народ отверг как либералов, так и социалистов (победа большевиков в ходе гражданской войны не означала воплощение жизнь их дореволюционной программы).

Политические представления советского периода. В истории политической мысли советский период оказался трагическим. Эта беда

проявилась как в прямом смысле — были искорежены жизни выдающихся русский политических мыслителей, так и в переносном, но крайне важном — возможности для развития политологии оказались перечеркнуты. Место науки заняла упрощенная большевистская идеология. Ее подвижки на протяжении последующих семидесяти лет оказались очень незначительными.

В истории советской политической мысли можно выделить следующие подпериоды:

- политические представления революции и гражданской войны,
- политические представления 20-х гг.,
- политические представления 30-х — первой половины 50-х гг.,
- политические представления второй половины 50-х гг. — первой половины 80-х гг.

В результате объективных предпосылок и причин в конце 1917 г. власть оказалась в руках большевиков. Их субъективная заслуга в этом не была значительной. Но в течение гражданской войны в братоубийственное противостояние оказалась втянута вся страны. Победа оказалась в руках тех, кого возглавляли большевики. Их лозунги и обещания были более привлекательными, чем лозунги их противников. Между тем, политические представления большевистских руководителей, их знания об устройстве государства, их правопонимание даже отдаленно не соответствовали уровню науки того времени.

Для большевиков как политиков, понятие «правовое государство» значило бесконечно меньше, чем понятия «справедливость», «социальное равенство». В соответствие с этим они создали политический режим, который ради быстрого решения социальных проблем, построения справедливого и счастливого социалистического общества сделал ставку на насилие. При этом, отвергая демократию, большевики оказывались ближе к национальной правовой культуре, чем европейски образованные слои общества.

Советская политическая идеология сформировалась в 30-е гг. Хотя затем она и подвергалась определенной модернизации, ее основы остались неизменными вплоть до распада СССР.

Первой чертой этой идеологии являлось упрощенное восприятие мира. Это предопределялось, догматическим восприятием марксизма, который вроде бы позволял наметить конкретные цели и задачи. Советское партийно-государственное руководство проигнорировали все научные теории и идеи, указывающие на уязвимость отдельных положений марксизма и ошибочность его как учения в целом.

Второй чертой советской идеологией была ее политизация. То есть, в стране существовала единственная (предвзятая) точка зрения. Хотя

официально считалось, что идеология в СССР основывается на учении К. Маркса и В.И. Ленина, на самом деле на каждом повороте истории власть приспособлявала их высказывания для нужд текущего момента. Даже идеи В.И. Ленина использовались далеко не полностью, а выборочно. В строгом смысле советская идеология никогда не была ни полностью марксистской, ни полностью ленинской. При этом она оставалась единственной.

Третья черта советской идеологии вытекает из второй — ее тотальный характер. В условиях монополизации власти одной партией, в идеологической сфере могла существовать только одна доктрина. Любая ее критика была исключена. На протяжении всего советского периода эта идеология никогда не являлась объектом научного анализа. Советская идеология практически не оставляла места для научного анализа, дискуссии могли вестись только на основе марксистской методологии.

Четвертая черта — догматизированность. Под марксизмом-ленинизмом подразумевалось учение, с одной стороны, сохраняющего преемственность по отношению к теории классиков марксизма, а с другой стороны — теория, развивающаяся в соответствии с практикой социалистического строительства. На самом деле, это было не учение, с помощью которого можно было понять возникающие проблемы, а политический ориентир, курс на создание общества с характеристиками, которые теоретически вывели К. Маркс и Ф. Энгельс.

Между тем, широко использовавшийся в советской идеологии термин «марксизм-ленинизм», не совсем научно обоснован. Под ним подразумевалось учение, с одной стороны, сохраняющее преемственность по отношению к теории классиков марксизма, а с другой стороны — теорию, развивающуюся в соответствии с практикой социалистического строительства. На самом деле, в СССР марксизм представлял собой не учение, с помощью которого можно было понять возникающие проблемы, а политический ориентир, курс на создание общества с характеристиками, которые теоретически вывели К. Маркс и Ф. Энгельс.

В отличие от философии К. Маркса и Ф. Энгельса, пытавшихся научно предопределить пути решения социальных проблем, «марксизм-ленинизм» представлял собой упрощенную идеологию, призванную обосновать правомерность нахождения КПСС у власти. Это упрощение и идейное обеднение марксизма было вызвано, прежде всего, стремлением ВКП (б) — КПСС остаться у власти. Партии, с одной стороны, требовалось создать духовное единство народа и государства, с другой — исключить возможность появления теоретически сложных вопросов. Научные же дискуссии могли поставить под сомнение

теоретическую основу большевизма. Кроме того, политическую практику СССР было невозможно обосновать с марксистских позиций. В результате марксизм, в форме марксизма-ленинизма, был сведен к следующим положениям:

- капитализм не имеет исторического будущего и с неизбежностью будет заменен социализмом,
- основной движущей силой построения социализма является коммунистическая партия,
- наиболее эффективной и социально обоснованной формой собственности является общенародная собственность на средства производства.

Из марксизма-ленинизма исчезли многие темы, важные для К. Маркса и Ф. Энгельса: предпосылки создания социалистического общества, проблемы гуманизма, гражданского общества, демократии и др. Но появились новые: обоснование особой роли революционной партии, возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране, усиление классовой борьбы в по ходу строительства социализма. Как отмечает А.А. Ивин, «К. Маркс настаивал на том, что его концепция является открытой и должна постоянно трансформироваться под воздействием новых социальных факторов, а не застыть в догмах и стереотипах», тогда как в СССР марксизм превратился в схоластику [6].

В условиях развития общемировых процессов, глобализации международных отношений, решения одних внутренних проблем и появления других, движения по пути, не имевшего в мире аналогов, марксистская теория, конечно, должна была развиваться. Это развитие могло существовать лишь в виде широких научных дискуссий, поскольку политики не столько развивают теорию, сколько являются представителями одного из теоретических направлений. Но закрепление во власти одной политической партии (РУП (б) — ВКП (б)), заблокировал возможности ведения научных дискуссий. А уязвимые политические позиции в обществе большевиков, их узкая социально-политическая база, перечеркнули возможности появления многообразных точек зрения в самой большевистской партии.

В течение советского периода истории России, новые взгляды на государство и политический режим, конечно, появлялись. Но, во-первых, они исходили из академической среды, во-вторых, эти новеллы существовали лишь до тех пор, пока не превращались в идеологическую угрозу для КПСС. Изменения же, которые в течение семидесяти лет происходили в политическом режиме, были не итогом теоретических внутрипартийных дискуссий, а результатом политической тактики.

Политические представления современной России. Новые политические ориентиры начали формироваться в середине 80-х гг. Они оказались результатом сугубо прагматического подхода, на который встало руководство КПСС во главе с М.С. Горбачевым. В 1990–1991 г. продолжателем реформ стал Б.Н. Ельцин. Подавляющая часть народа столкновением этих двух политических лидеров оказалась дезориентирована. Поэтому, когда в 1991 г. произошло выступление ГКЧП, а в 1993 г. столкнулись сторонники Б.Н. Ельцина и Р.И. Хасбулатова, активную поддержку Б.Н. Ельцину оказали, в основном, москвичи и ленинградцы. Население этих двух городов было более образованным, чем страна в целом. Высокий уровень жизни в Москве и Ленинграде, в условиях ослабления власти КПСС толкнул москвичей и ленинградцев в политику ради воплощения демократических идеалов в жизнь. Но это были абстрактные, общечеловеческие ценности, не имевшие в СССР — новой России социально-политических условий для воплощения. В результате очень быстро был получен социальный результат, повергший москвичей и ленинградцев в растерянность, а население страны — в нищету.

В современной политической ментальности присутствуют два компонента: традиционализм и реакция на современность. В условиях ломки советских мировоззренческих ценностей и политических институтов традиционализму выживать сложно. Сломан механизм передачи идеалов «отцов». Но и новые институты подвергаются серьезной критике. Поэтому о какой-то стройности современной политической ментальности говорить не приходится. По данным Института социологии РАН, в начале XXI в. правительственный (либерально-демократический) курс основная часть населения не принимала [8]. Идеи правового государства и гражданского общества, свободного рынка и приоритета прав личности отторгались [9]. Социологические опросы показывали, что основная масса молодежи отрицательно относилась к реформам. В то же время, культурно-историческая самобытность России интерпретируется не как «проклятие», а как непреходящая базовая ценность.

Политическая ментальность — результат действия большого числа факторов. Среди них важное место занимает демографическая структура страны. Чем выше доля молодежи в этой структуре — тем политическая ментальность более подвижна. Современная молодежь начинает мыслить иначе, чем поколение их родителей, более универсально, независимо от национальных границ и исторической специфики.

По-разному ведет себя и население разных регионов. Конец 2011 г. — начало 2012 г. неожиданно показал, что в обществе созрели новые тенденции, что это общество готово к переходу на качественно

новый уровень развития, где не будет признаков, характерных для «русской ментальности». Как отметил В. Межуев, «на Болотную вышли граждане, то есть люди, наделенные не просто менталитетом, но и разумом, и потому при всей разности своих менталитетов способные договариваться между собой. Это люди уже современной культуры, весьма отличной от средневекового и полуфеодалного менталитета. А вот на Поклонную вышли всего лишь подданные, так и не преодолевшие барьер, отделяющий групповой (стадный) менталитет от разума. Болотная и Поклонная — это как бы две разные культуры, одна из которых вполне современна, а другая во многом еще архаична» [10].

Выводы. Любой ученый стремится к объективности своих выводов. Представителям западных гуманитарных наук сделать это было легче, поскольку в демократических условиях имеется больше возможностей для появления разных гипотез, теорий и доктрин. На протяжении XX в. там все время появлялись разные политологические подходы, корректирующие друг друга. В отечественной науке такая возможность появилась лишь в начале 90-х гг. XX в., что позволило существенно скорректировать привычные обобщения [11].

Анализ современной историографии, посвященной истории политических учений, позволяет предложить следующее.

Как и национальные политические институты, национальная ментальность имела свою специфику. Ранее она не улавливалась потому, что в основе периодизации всех социально-политических процессов лежала периодизация государства, а оно развивается под влиянием иных факторов.

В советские времена мы воспринимали мировой исторический процесс как единый, а свою страну — как авангард развития человечества. Эта система взглядов во многом сохраняется и сегодня. Ошибочная же трактовка возможностей общества и неправильные идеологические критерии порождают завышенные ожидания, разочарование и горечь. Так, в современном политическом лексиконе широко используются понятия, созданные западными учеными для анализа их собственной политической системы, например, «демократия», «авторитаризм», «тоталитаризм». Между тем, как справедливо отмечает Е.Н. Мошелков, «существо отраженных в данных категория явлений общественной жизни, исторически сложившееся в западном опыте не соответствует и даже противоречит российским социальным и ментальным традициям» [12].

Для отечественных историков (будь то дореволюционные или советские) критерием развития общества являлись политические институты Западной Европы. Это имело свою логику. Однако при таком

подходе ускользала национальная специфика этих институтов в целом и политических представлений в частности. За последние двадцать лет историки сделали значительный шаг вперед, политические дискуссии прошлого сегодня представляются более глубокими, исторический путь развития страны оказывается более сложным. Но для утверждения новых критериев развития нашего общества и новой методологии требуется время.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., ИРИСЭН, 2007, 338 с.
- [2] Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., Наука, 1983, 240 с.
- [3] Греков Б.Д. Киевская Русь. М., Учпедгиз, 1949, 509 с.
- [4] Вольтер О.В. Христианство как духовно-политическая основа национально-государственной идеологии Русского государства в условиях традиционного общества. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1823181.html>.
- [5] Ивин А.А. Марксизм-ленинизм: Философский энциклопедический словарь. М., Инфра, 2003, 576 с. URL: <http://relig.info/marksizm-leninizm>.
- [6] Тихонова Н. Ментальность народа. Российская федерация сегодня. 2008, № 1.
- [7] Гулина О.Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России. Автореф. дисс. на соискание ученой степени к. ю. н. Уфа, 2002.
- [8] Российская ментальность и вызовы времени. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5658>.
- [9] Новиков С.К. Политические и правовые взгляды И.С. Пересветова и их реализация в государственно-правовом строительстве во второй половине XVI—XVII вв. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2005; Алексеев А.И. Ересь стригольников: вольнодумцы или колдуны? (этимологический аспект). Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора Фроянова И.Я. СПб.-Ижевск, Изд-во Удмуртского университета, 2001, с. 184—195; Переведенцев С.В. Русская социально-политическая мысль. XI—XVII вв. Хрестоматия. М., Изд-во МГУ, 2011; Баширов Т.А. Социально-философские аспекты становления и развития российского правосознания. Автореф. канд. филос. наук. Уфа, 2005; Медушевский А.Н. Великий труд на благо избравшего нас народа... URL: http://www.sps.ru/?id=206905&cur_id=42753; Сергеев С.М. Творческий традиционализм как направление русской общественной мысли 1880—1890 гг. (к вопросу о терминологии). Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX в. М., ИМЛИ РАН, 2003, с. 35—60. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д, Изд-во Рост университета, 2005; Сирота Н.М. Идеологии и идеологические течения: классическое наследие и современность. СПб., 2009. И др.
- [10] Мошелков Е.Н. Проблема совместимости политологических категорий в научном диалоге России и Запад. URL: web-lokal.rudn.ru.

- [11] Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов вузов. М., Аспект Пресс, 1998, с. 536.
[12] Алексеев С.С. Теория права. М., Издательство Бек, 1995, 320 с.

Статья поступила в редакцию 05.08.2013

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Земцов Б.Н. Специфика политических учений России. *Гуманитарный вестник*, 2013, вып. 4. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/polit/hidden/61.html>

Земцов Борис Николаевич — д-р ист. наук, доцент, заведующий кафедрой МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: история русской ментальности, политическая и правовая культура. e-mail: zemtsovbn@mail.ru